

от . . . 14 АВГ 1941

Москва

Газета № . . .

346 Вдохновенный актер

Леонидовым нельзя было не увлекаться. Все было неповторимо в его противоречивом, оригинальном облике. Его интересы выходили далеко за пределы чисто актерской профессии. К жизни он относился пламенно и горячо, увлекаясь не только отдельными занимательными фактами и фактиками (что так свойственно актерам), но прежде всего значительнейшими событиями в самых разносторонних областях культуры.

Он — этот вдохновенный, неуравновешенный и огромный актер — ненасытно, почти торопливо поглощал открывшиеся перед ним богатства живописи, поэзии, беллетристики. В нем не было и тени узкого и серенького гурманства — он воспринимал и жизнь, и искусство со всей свежестью своего неутолимого темперамента.

Блестящий знаток Пушкина, Леонидов внутренне беседовал с ним, как с живым поэтом. Леонидова восхищало его творчество, ему были дороги отдельные черты быта, психологии великого поэта — вся его личность. Всегда острый, отмеченный даром пронизательного видения и глубокой романтической иронии, он был порою парадоксален в своих воззрениях на искусство или в своих отдельных неожиданных, но блистательных формулировках.

Оттого, когда актер своей тяжелой поступью входил в фойе МХАТ, к нему стекались для беседы все его товарищи, и тогда возникали горько юмористические или смелые, острые и прямые разговоры об искусстве вообще и искусстве нашего театра в частности. Он был значителен во всем богатстве своего приковывавшего общее внимание образа.

Несмотря на такое богатство высказываний (Леонидов не скупился на беседы и любил их), в нем всегда оставалось что-то еще нераскрытое, о чем он не го-

ворил и что хотелось до конца узнать. После бесед с Леонидовым неизменно оставалось желание еще и еще раз встретиться с ним, как будто прошедшая и законченная беседа не исчерпала темы до конца. Но педагог и режиссер — руководитель актерской молодежи, постановщик спектаклей — воплощение искусства МХАТ, Леонидов никогда до конца не раскрывался даже в самых захватывающих и самых глубоких своих беседах об искусстве.

Ибо он был прежде всего и больше всего актер. Актер всем своим существом, всеми своими нервами, всей своей страстной душой. Только на сцене, при исполнении новой роли, Леонидов обнаруживался в своей предельной глубине.

Актерское дело было для него менее всего ремеслом. Он был неуравновешен, любая неожиданность, мелочь могла повлиять на его творческое самочувствие, и вместе с тем он отдавался актерской театральной стихии — горячо и мучительно. Играв, Леонидов обнаруживал самого себя. «На сцене нужно играть большую правду, а не маленькую правдушку», — говорил он. Он играл ее — эту большую правду мастерски.

Основной темой леонидовского бурного и прекрасного творчества было трагическое противоречие между силой и пафосом, заложенными в человеке, и невозможностью до конца эту силу и этот пафос воплотить в тех условиях, в которых жили герои Ибсена и Достоевского. В. И. Немирович-Данченко считал Леонидова «самым простым актером МХАТ». Он был действительно очень прост — и его раздражали театральная мишура, аляповатость костюма и фальшь кулис.

Леонидов говорил про себя: «Я трагический актер в пиджаке», как будто намеренно указывая на свое органическое

отращение к «костюмности», ко всему, что уведит от врожденной простоты, к малейшему намеку на внешнюю легковесную театральность. А сам он был театрален, но театрален прекрасной правдой простого театра. Театрален и прост был весь его немного тяжеловесный облик; выразительны и сильны были интонации его богатого и обширного голоса; заражающе страстны были его переживания.

Резко, остро и предельно иронично было его истолкование характерных ролей. Леонидов — художник большой культуры — презирал мещанство и смеялся над ним. Городулин, Ляпкин-Тяпки и многие, многие другие образы сохранились у нас в памяти как бы пригвожденные великолепной и злой усмешкой актера.

Человек огненного темперамента и трагического взлета, он показывал зрителю явления «жизни человеческого духа», как формулировал актерское искусство Станиславский, сурово и несентиментально.

Леонидов был актером трагедии. Когда в верхнем фойе Леонидов сыграл без грима «в пиджаке» последние три акта «Отелло», заплаканный и потрясенный Станиславский сказал: «Леонидов в «Отелло» не ниже Сальвини». Задолго до «Отелло» Немирович-Данченко угадал в Леонидове неповторимого Митю Карамазова.

Свой огромный талант артист заковал в строгие рамки искусства МХАТ. С МХАТ он прожил свою жизнь, узнав радость прекрасных побед и горечь разочарований, но навсегда поверив в искусство этого театра. Когда сейчас вспоминаешь путь Леонидова и возвращаешься к его творчеству, вновь и вновь ощущаешь величие его актерского дела.

П. МАРКОВ